

Профиль прозы – смерть

Общая газета. – 1999,
– 12-18 авг. – с. 9

Л. Добычин. Полное собрание сочинений и писем. СПб, журнал «Звезда», 1999.

ПИСАТЕЛЬ, существовавший в русской литературе с 1924 по 1934 год, не сохранил потомкам ни одной строчки, ни своей, ни чужой. Из совершенно пустой комнаты в ленинградской коммуналке (оставив ключ приятелю (оказавшемуся осведомителем), и с тех пор никто не видел его ни живым, ни мертвым. Все, что удалось собрать для тома полного его собрания сочинений и писем, сохранили литературные друзья писателя в своих архивах. (Составитель, автор вступительной статьи и примечаний В.С. Бахтин. Научный редактор А.Ф. Белоусов.)

Чем же так перепугал советскую литературную элиту скромный провинциальный сочинитель, автор трех небольших книжек, что даже люди, к нему расположенные, отзывались о его главной книге «Город Эн» (1934) так: «Добычину нужно бежать от своей страшной удачи» (К. Федин). «...Профиль добычинской прозы – это, конечно, профиль смерти» (Н. Берковский).

Подозреваю, что они и сами толком не знали или не осмеливались выразить свои мысли вслух.

Спустя полвека после гибели Л. Добычина его литературные почитатели увидели в нем сокрушительного критика обывательских иллюзий и мещанского образа жизни, увидели даже грозного обличителя коммунистических устоев, своего рода Шедрина или Сологуба ранних советских лет.

Сокрушительна в прозе Л. Добычина не социальная критика исторической эпохи, но то, что он увидел за социальным фасадом этой эпохи: рутинно само по себе человеческое существование, и революция в еще большей степени, чем обыденная жизнь, обнаруживает незыблемую шаблонность человеческих реакций и мотивов поведения, ничьего ума положительное не преобразая:

– Я извиняюсь, – сказала она. – Не знаете, откуда эта музыка? – Возвращаются со смычки с Красной армией, – ответил Брыгин и пошел улыбаясь: вот, если бы по-

ставить ведра, а самому – шашь к ней в окно! (рассказ «Брыгин»).

Миниатюрные – три-пять страниц – рассказы Л. Добычина преднамеренно фрагментарны. Л. Добычин пишет о «несостоявшихся событиях», о «неначинающихся путешествиях», о «покинутости» человека в мире. Зато о том, что случится на нашем веку, о включенности человека в исторический процесс читатель этой прозы вынужденно, но благодарно догадывается: «Электричество горело в трех паникадилах. Сорок восемь советских служащих пели на клиросе. Приезжий проповедник предсказал, что скоро воскреснет бог и расточатся враги его». Так началась советская эра, так она и заканчивается – через три четверти века после того, как были написаны эти строчки из рассказа «Козлова».

Последней фразой Л. Добычина оказалась фраза из записки, полученной Николаем Чуковским в день исчезновения писателя: «А меня не ищите – я отправляюсь в

дальние края». Писатель (по донесению осведомителя) так и не вернулся. Видимо, покончил с собой.

Судьба Л. Добычина по-настоящему ужасна: его первого уничтожали у всех на виду новейшими методами. Уничтожали собрания по перу. Вслед за статьей «Правды» от 28 января 1936 года «Сумбур вместо музыки» на веренице литературных обсуждений и собраний Л. Добычин оказался в Ленинграде главной мишенью – и как «формалист», и как «натуралист». 25 марта писатель отверг все обвинения на собрании в Доме писателя одной фразой: для него «прискорбно, что его книга признана классово враждебной». И сразу ушел. Собрания, на которых его клеймили, продолжались и дальше. Но без него. Он исчез.

Безнадежность случая Л. Добычина состояла в том, что он погиб, противостоя всей «литературной общечеловечности», а не только всевластным Начальникам.

Андрей АРЬЕВ